УДК 1(091)

Наталья Еремеева
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь),
кандидат философских наук

Natalya Eremeeva
Senior Lecturer of Social and Humanitarian
Disciplines dept. of the Mogilev Institute
of the Ministry of Internal Affairs (Belarus),
Ph.D. in Philosophy

ВОЙНА, ПОВСЕДНЕВНОЕ И ИДЕАЛЬНОЕ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Э. В. ИЛЬЕНКОВА

Данная статья представляет собой историко-философский обзор взглядов советского философа-марксиста фронтовика Э. В. Ильенкова. Рассматривается проблема развития классического марксизма в диалектической логике Э. В. Ильенкова. Отмечается противостояние учения Э. В. Ильенкова и позднесоветских взглядов на марксизм. Разработка Э. В. Ильенковым концепции идеального рассматривается в связи с практическим подходом к вопросу формирования личности посредством деятельности. Внимание акцентируется на фронтовом и педагогическом опыте Э. В. Ильенкова и его значении для понимания его экспериментальной философии. В рамках концепции Э. В. Ильенкова об объективности идеального обосновывается важность личного опыта в преодолении отчуждения от ценностей. Делается вывод о значении учения Э. В. Ильенкова для историко-философского исследования советского марксизма.

Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979) стал одним из наиболее известных советских философов XX века благодаря последовательному и творческому развитию им наследия классического марксизма. Его жизнь, полная белых пятен, борьбы и глубоких противоречий, служит непридуманной иллюстрацией им самим открытой практической философии опытной деятельности. В соответствии с диалектической логикой марксизма концепция Э. В. Ильенкова о противоречивом развитии мира охватывает и судьбу отдельно взятого человека, и становление человечества, и грандиозную космологию Вселенной в их единстве и движении к общей великой цели, столь же прекрасной, сколь и трагической. Э. В. Ильенков — философ героического духа, в значительной степени свойственного убежденным марксистам, он пронес этот дух через войну и научную деятельность, этот дух отразился в культурных (особенно музыкальных) пристрастиях философа. В итоге сублимировавшийся

в упоение трагедией, этот дух стал гением последних идей, мрачного заката и роковой гибели мыслителя. Целью данной статьи является обзор учения Э. В. Ильенкова об объективности идеального и примате деятельности и практики в становлении субъекта и преодолении им отчуждения на пути к овладению ценностями. Раскрывается многоаспектность понимания идеального Э. В. Ильенковым, делается вывод о развитии им классической марксистской диалектики в отношении философии познания и гносеологии. На протяжении всей статьи с опорой на первоисточники восстанавливается личный фронтовой и педагогический опыт философа, отмечается его отражение во взглядах мыслителя. В рамках статьи в качестве базовых использовались метод историко-философского анализа, описательный и спекулятивный методы, метод культурно-исторической реконструкции, а также элементы герменевтического метода.

По сегодняшним меркам Эвальд Ильенков был представителем золотой молодежи. Отец — известный писатель, лауреат Сталинской премии 1950 г. Семья жила в элитном населенном литераторами доме в центре Москвы. Ребенком Эвальд получил классическое воспитание и образование, рисовал и сочинял, у юноши сформировался театральный и музыкальный вкус, особенно к произведениям Р. Вагнера, чье искусство и мысль всю жизнь будет интересовать философа [1, с. 7]. Наконец, закономерное поступление в Московский институт философии, литературы и искусства (ИФЛИ), один из самых престижных вузов Москвы. Когда начиналась Великая Отечественная война, Э. В. Ильенков эвакуировался вместе с институтом, продолжая учебу, со второго курса был призван в армию и после окончания ускоренного курса Одесского артиллерийского училища в Свердловской области в 1943 г. отправился на фронт в звании лейтенанта. В составе Второго, а затем и Первого Белорусского фронтов в качестве командира взвода принимал участие в ряде ключевых битв 1944–1945 гг., о названии которых можно только догадываться из фронтовых писем. Эти письма — свидетельство не только юношеской пылкой любви к некоей Ирине, девушке, которая также в младшем офицерском звании служила в действующей армии и, по всей видимости, принадлежала к тому же кругу молодежи, что и Э. В. Ильенков. В письмах с фронта отражается формирование личности, то самое обретение объективного идеального, преодоление отчуждения через опыт, деятельность, суровую практику войны. В письмах 1943 г. иногда мелькают названия (Сухиничи, Кричев); обильно цитируются стихи; приводятся воспоминания о московских встречах, общих друзьях, музыке; высказываются опасения о том, дойдут ли письма,

передаются приветы, просьбы о милых пустяках, которые столь важны для влюбленных [2, с. 198–200]. Но иногда как удар: «Я проехал больше двух сотен километров вдоль фронта, все по местам, где совсем недавно хозяйничали немцы. Все хранит еще на себе отпечатки их ига… Сожженные дотла деревни, надписи на уцелевших стенах, масса немецких слов в разговоре людей, ходики на стене, которые стоят, потому что какой-то бравый фриц сорвал, уходя, цепочку с гири… трудно в письме передать хотя бы частицу того, что я слышал и видел… Многое и нельзя сейчас писать по почте» [2, с. 197–198]. Разумеется, дело не в ходиках: когда после войны демобилизованный Э. В. Ильенков решил попробовать свои силы в искусстве и поступить во Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК), рисунки и этюды молодого офицера на военную тематику оказались слишком тяжелы для восприятия приемной комиссии [1, с. 9].

С течением времени пребывания на фронте письма, даже любовные, становятся жестче, раздумчивее, строже. В начале 1944 г. Э. В. Ильенков пишет: «Ведь любовь и была всегда органическим единством радости и страдания. Одно без другого не понять, одно без другого не было бы тем, чем оно есть. Видишь, я невольно стал говорить то, что давно сказали и Гегель, и Маркс. Диалектика оказывается и тут верна… Значит, это правда, и не надо плакать, раз это страдание — та же радость, необходимо переходящая “в свое другое”, по-гегелевски выражаясь… И чем больше противоположность между одним и другим — тем красивей и больше то целое, что они образуют в своей борьбе и своем единстве — любовь» [2, с. 203]. Это экзистенциальное измерение диалектической логики марксизма было открыто не в кабинете под светом уютной зеленой лампы, а под обстрелом в окопах или в периоды недолгого фронтового отдыха в землянке «размером с ящик» [2, с. 219]. Это выстраданное понимание рождения идеального из отвлеченно философского «развития объективных естественно-исторических процессов» [3, с. 30] — достояние живой мысли, сильной постольку, поскольку она суть результат опыта, практики, деятельности. А опыт был тяжелым. После периодов затишья и даже командировок в Москву Э. В. Ильенков пишет: «Теперь я, наконец, там, где должен быть. Теперь у меня значительно меньше шансов остаться в живых, а невредимым — вовсе, можно сказать, исключены, эти самые шансы…» [2, с. 214]. Погибает друг, тяжело ранена (к счастью, не смертельно) адресат писем возлюбленная Эвальда Ирина. Сам он «на маленьком кусочке земли, который немцы отчаянно пытаются отбить обратно, чуя, что этот кусочек земли на берегу одной реки недалеко от Варшавы,

к северу, явится роковым для всего Reich'а» [2, с. 215]. Остается только догадываться, что наш молодой философ — участник будущего штурма Кенигсберга. И летят в Москву в письмах злые мальчишеские шутки над тыловым доктором, который «дрожит как овечкин хвост», обходя трупы фрицев и, наконец, напуганный криком Ильенкова «Ложись!», вынужден на этот же труп и падать, и гордо сдержанное «Я, кстати, гвардеец», и неуклюжая забота о родителях: «Не вздумай рассказывать все это дома! Я их более дипломатично информировал. А то они — старички, будут ночей не спать» [2, с. 216].

Э. В. Ильенков был материалистом. Его понимание идеала следующее: «…представление об итоговом совершенстве человеческого рода. Он включает в себя… осознание того, что человек есть самоцель собственной деятельности и ни в коем случае не средство для кого-нибудь или чего-нибудь, будь то бог или вещь в себе» [4, с. 204]. Идеалы творятся в реальной истории государства, науки, нравственности, в истории человеческого общества, когда каждая отдельная жизнь, отдельно взятая личность переплавляется в культуру «всеобщности человеческого существования» [3, с. 31]. Наблюдая картины последних месяцев войны, Э. В. Ильенков не может не вспоминать вагнеровские эпические картины гибели мира: «Тысячи судеб, тысячи жизней переплетаются в страшном узоре этой гигантской катастрофы… Трудно сказать, что я испытываю при виде всего этого… Да, нет сейчас большего наказания и позора, чем быть немцем… Но судьбы этих людей… кажутся мизерными на фоне день и ночь бушующего на этой земле возмездия… Эта феерия настолько чудовищно-величественна, что человеком, способным на проявление чувств, себя ощущать перестаешь… Чувствуешь себя частью этой разгоревшейся стихии, и на все остальное смотришь с какой-то вне мировой точки зрения…» [2, с. 224]. Не то же ли самое чувство воскресло в маститом уже ученом в конце его жизни, когда он писал странную, близкую по существу к русскому космизму «Космологию духа» [3, с. 34]? Идея неизбежной гибели однажды возникшего, трагедия мыслящего духа, то есть человечества во всей полноте его развития, гибнущего на пороге нового космического цикла «всеобщего взаимодействия», — темная, депрессивная сторона диалектики, захватившая зрелого Э. В. Ильенкова, — не отголосок ли тяжелейших испытаний фронтовой юности? Он размышляет: «Диалектический материализм… разрешил проблему "цели" в категории всеобщего взаимодействия. Человечество с его мышлением включено в сеть этого всеобщего взаимодействия, внутри нее оно рождается, развивается и в ней же когда-нибудь исчезнет. Представление о "высшей цели"

существования человечества рационально снимается в понимании необходимости его возникновения, развития и гибели внутри и посредством этой всеобщей взаимозависимости всех форм движения мировой материи» [5, с. 421]. И сама картина гибели человечества поразительно похожа на операцию на Зееловских высотах, когда «вся, казалось, вселенная, вдруг наполнилась багрово-красным светом, туман весь окрасился будто краской, и через несколько секунд в уши ударил обвалоподобный грохот, в котором отдельных выстрелов разобрать нельзя… А потом в этот ад ушла пехота, а за ними мы…» [2, с. 230]. Но только солдат «как известно, каждый по секрету от всех, таит надежду — авось не я» [2, с. 217], мыслящую же материю, человечество «никакие усилия не спасут… от смерти в урагане мирового “пожара”, который когда-нибудь возвратит огненную молодость нашему мировому острову» [5, с. 425].

Что же после? В письме с фронта Э. В. Ильенков пишет: «Это первые дни кажется, что снаряд, каждый снаряд летит именно в тебя, а потом начинаешь ощущать обратное, когда привыкнешь, что, как бы он угрожающе ни шуршал и ни выл, он обязательно ляжет никак не ближе 10 метров» [2, с. 218]. Действительно, офицер Э. В. Ильенков оказался счастливым. Награжденный орденами и медалями, не бежавший от пуль, сидя в Берлине и глядя на Unter den Linden, Эвальд Ильенков с фронтовым спокойствием встречает Победу: «Война кончилась… Сразу появилось столько вещей, требующих внимания, что для того, чтобы осознать всю неповторимую великую радость момента, не осталось в душе места… А самое важное — остался живой, для живого человека мысль неудивительная, потому что иным он и не бывал…» [2, с. 231]. Но снова, словно очнувшись от рефлексии, он постигает чужую боль, реальную диалектику жизни, рассказывая своей Ирине: «Очень жаль берлинских детишек и стариков, которые приходят просить хлеба… Для меня война кончилась, а для них началась другая… более жестокая» [2, с. 231].

После войны Э. В. Ильенков возвратился в университет, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Женился на совсем другой женщине, не на той, которой писал письма с фронта. Работал в Институте философии АН СССР, отстаивал свою идею создания диалектической логики как основания науки в противовес технократизму и позитивизму, которые захватили тогда советский марксизм. Они были предшественниками современного российского постмодернизма, представители которого «при слове “истина” высокомерно усмехаются, как и полагается софистам, считающим

свое отрицание истины высшей истиной» [6, с. 33]. Может показаться, что проблемы, занимающие Э. В. Ильенкова, далеки от жизни, как и принято относиться к философии — как к чему-то специфическому, имеющему отношение к интересам немногих чудаков, находящих удовольствие в осмыслении высокоумных вопросов бытия и мышления. Но Э. В. Ильенков, наряду с философской полемикой, с головой погрузился в практическую педагогику, в одну из самых сложных ее областей — дефектологию, посвятив десять последних лет своей жизни «Загорскому эксперименту» — воспитанию, обучению и всемерной социализации слепоглухонемых детей. Один из них, А. В. Суворов, слепоглухой, сумел под руководством группы в составе доктора психологических наук А. И. Мещерякова, Э. В. Ильенкова и академика А. Н. Леонтьева со товарищи окончить Московский университет, защитить кандидатскую и докторскую диссертацию. Одну из своих работ, посвященных Э. В. Ильенкову, он назвал «Экспериментальная философия», что как нельзя лучше отражает непреходящий интерес последнего к личности и его глубокое убеждение, что личность «стопроцентно» формируется на протяжении жизни [7, с. 172–173]. Формирование личности и является тем самым обретением идеального. Об идеальном Э. В. Ильенковым сказано: «…непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека (т. е. вполне предметного, материального существа), направленной во внешний мир… Идеальное ни в коем случае не сводимо к состоянию той материи, которая находится под черепной крышей индивида, т. е. мозга. Оно есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием» [8, с. 214–215]. Поэтому идеальное не может быть вручено другому человеку, ему нельзя научить. Другими словами, нельзя научить человека быть человеком, «идеальное… усваивается лишь посредством активной же деятельности с предметом и продуктом этой деятельности, т. е. через форму ее продукта, через объективную форму вещи, через ее деятельное распредмечивание» [8, с. 225]. Работа со слепоглухонемыми в этом отношении стала для Э. В. Ильенкова чистейшим экспериментом, опытным доказательством правоты его теории, тем более чистым, чем острее вопрос познания мира стоит для сенсорного инвалида [7, с. 188]. Понимание мира — вовсе не специфическая проблема слепоглухонемых, просто здесь «она встает с предельной остротой, а потому и решаться может лишь с особой точностью» [7, с. 184–185]. Марксист Э. В. Ильенков тоже сражался с кибернетикой, с самозабвением Дон Кихота, защищая педагогику, психологию, философию и другие

«гуманитарные» науки, поскольку именно они — отражение объективной реальности, «значимости познаваемого для познающего», тогда как байты суть единицы информации, но не познания [7, с. 185]. Единица познания, по глубокому убеждению Э. В. Ильенкова, образ, который становится таковым только в предметной деятельности, «ощупывании» [7, с. 186], что в отношении слепоглухонемых более чем натуралистично. Но применительно и к слепым, и к зрячим итог логических построений Э. В. Ильенкова точно выразил А. В. Суворов: между всеми нами есть одно общее, а именно адекватность общечеловеческой культуре в воссоздании всякий раз в каждой индивидуальной судьбе своего личного варианта человечности, образа всеобщего объективного идеального [7, с. 188].

«Светя другим, сгораю сам» — этот девиз врачей стал символом последних лет жизни Э. В. Ильенкова. Вглядываясь в проблемы своих воспитанников, он словно все глубже погружался в проблемы человечества и свои собственные. Глас вопиющего в пустыне снова и снова взывал к превращению любой психолого-педагогической практики в экспериментальную философию [7, с. 192], и снова безрезультатно. Если настоящая философия — это практическая диалектика, то она заключается в том, чтобы жалеть голодных берлинских детей, тогда как первый харьковский интернат И. А. Соколянского для слепоглухонемых был разгромлен фашистами, а дети-воспитанники уничтожены как неполноценные. Она заключается в том, чтобы на войне мечтать «о том дне, когда зарастут густой травой траншеи и могилы, когда в опустевших блиндажах будут играть ребятишки, когда можно будет радоваться сегодняшнему дню и завтрашнему, который будет еще лучше» [2, с. 203]. Наконец, она заключается в том, чтобы в смерти мыслящего духа в огне мирового пожара увидеть не трагедию и торжество хаоса, а творческий акт нового рождения бессмертной материи [5, с. 435]. Сегодня в мире релятивизма и бесконечной переоценки и ревизии прошлых идеологий сохранение верности убеждениям, долгу, Родине — это та ценность, которой нас могут научить советские граждане, фронтовики и патриоты, одним из которых был советский в полном смысле этого слова философ Эвальд Васильевич Ильенков.

Список основных источников

1. Новохатько А. Г. Феномен Ильенкова // Философия и культура / Э. В. Ильенков. М. : Политиздат, 1991. С. 5–16.

2. Из наследия Э. В. Ильенкова. Письма с фронта (ноябрь 1943 – июль 1945) // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (книга-

диалог) / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; сост. и ред. В. И. Толстых. М., 1997. С. 196–236.

3. Осипов И. Д. Экзистенциальная диалектика Эвальда Ильенкова // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 4. С. 29–34.

4. Ильенков Э. В. Идеал // Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. С. 204–211.

5. Ильенков Э. В. Космология духа // Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. С. 415–437.

6. Вахитов Р. Р. Борьба за истину: критика релятивизма в учениях об идеальном Платона и Э. В. Ильенкова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 2. С. 27–33.

7. Суворов А. В. Экспериментальная философия (Э. В. Ильенков и А. И. Мещеряков) // Э. В. Ильенков: личность и творчество / ред.-сост. И. П. Фарман. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 172–196.

8. Ильенков Э. В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. С. 212–228.

WAR, THE EVERYDAY AND THE IDEAL IN THE DIALECTIC PHILOSOPHY OF E. V. ILYENKOV

This article presents a historical and philosophical overview of the views of the Soviet Marxist philosopher and war veteran E. V. Ilyenkov. The article examines the development of classical Marxism within Ilyenkov's dialectical logic. The contrast between Ilyenkov's teachings and late Soviet views on Marxism is noted. Ilyenkov's development of the concept of the ideal is considered in connection with his practical approach to the formation of personality through activity. Attention is focused on Ilyenkov's front-line and pedagogical experience and its significance for understanding his experimental philosophy. Within the framework of Ilyenkov's concept of the objectivity of the ideal, the importance of personal experience in overcoming alienation from values is substantiated. A conclusion is drawn regarding the significance of Ilyenkov's teachings for the historical and philosophical study of Soviet Marxism.